

*Е.Г. Калкаев**

**Генеральное консульство Китайской Республики
во Владивостоке в период проведения
«китайской операции» НКВД (1937–1938 гг.)**

АННОТАЦИЯ: В данной статье рассматривается положение генерального консульства Китайской Республики во Владивостоке в период «большого террора» 1937–1938 гг. В связи с «китайской операцией», проводимой органами НКВД в Дальневосточном крае, персонал консульства был обвинён в антисоветской деятельности и работе на Японию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «большой террор», НКВД, «китайская операция», китайская диаспора, Владивосток, генеральное консульство Китайской Республики, У Айчэнь.

Массовая операция НКВД, направленная против членов китайской диаспоры, началась в Дальневосточном крае незадолго до нового года — в ночь с 29 на 30 декабря 1937 г. Несколькими большими волнами арестов, продолжившимися в феврале и марте 1938 г., она затронула более 10000 человек только в этом регионе. Осенью 1938 г.

* Калкаев Евгений Геннадьевич, н.с. отдела Китая, ИВ РАН, Москва, Россия; E-mail: kalkaev@gmail.com

внесудебный орган, т.н. «двойка»¹, приговорил более 4000 из арестованных на Дальнем Востоке СССР китайцев к расстрелу².

Поводом для проведения операции против китайцев в крае, а в дальнейшем и по всей стране, стало фальсифицированное местным управлением НКВД дело о якобы готовящейся провокации: так был интерпретирован всплеск антияпонских настроений среди китайской диаспоры. По версии дальневосточных чекистов, эти настроения были вызваны не реакцией на события острого периода японо-китайской войны, в том числе и известными преступлениями японских военных в Китае, а инспирировались японской агентурой. Заместитель начальника Управления НКВД Дальневосточного края М.А. Каган в декабре 1937 г. направил в центр ряд сообщений, призванных продемонстрировать агрессивные намерения китайцев в отношении японских подданных. Как утверждал Каган, смысл провокации заключался в том, чтобы толкнуть китайцев на убийство сотрудников местного японского консульства, тем самым дав предлог Японии объявить войну Советскому Союзу³.

В ответ на эти сообщения из центра последовали распоряжение об аресте «всех китайцев, независимо от их подданства, проявляющих провокационные действия или террористические намерения», а на следующий день — о проведении широкомасштабной операции по ликвидации притонов [11, с. 101–102]. Последние рассматривались не только в контексте таких преступлений, как азартные игры, продажа и употребление наркотиков, проституция, но и как питательная среда для шпионажа и другой активной антисоветской деятельности.

¹ Двойки рассматривали дела по «национальным операциям». Этот порядок был введён в августе 1937 «польским» приказом НКВД № 00485. Согласно ему, в ходе следствия арестованные разделялись на две категории: 1-ю и 2-ю, обозначающие, соответственно, расстрел или заключение. После этого завизированные руководителем местного НКВД и прокурором, сшитые в «альбомы» списки направлялись в НКВД СССР. В Москве их утверждала комиссия наркома внутренних дел и прокурора СССР (или их заместителей), после чего приговоры немедленно приводились в исполнение (см. [9, с. 111]). Стоит упомянуть, что помимо того, что «альбомы» часто утверждались членами комиссии без должного ознакомления, обычной практикой было поручение рассмотрения их лицам, не входившим в комиссию [8, с. 29].

² Посчитано по материалам [2, ф. 6, д. (пор.) 9867–9874]. Основываясь на тех же источниках, т.е. протоколах двоек, хранящихся в УФСБ по Омской области, Н.А. Потапова приводит цифры, незначительно отличающиеся от наших (см.: [10, с. 160]).

³ Подробно о начале «китайской» операции в Дальневосточном крае и о переходе её в полноценную «альбомную» национальную операцию см. [7].

Стоит отметить, что и в начальный период Большого террора, пришедшийся на 1937 г., китайцы, особенно в местах их массового проживания, подвергались репрессиям. Как правило, они арестовывались за шпионаж, а осуждение проходило по «харбинской» линии «национальных» операций, которая фактически рассматривалась как линия японского шпионажа. Тем не менее ни в «харбинском» приказе НКВД № 00593, ни в сопровождающем его «Закрытом письме» специально о китайцах ничего не было сказано. Да и масштабы арестов китайцев до конца 1937 г. хотя и достигали в некоторых регионах сотен человек, ещё не были массовыми в том смысле, в каком это слово обычно применяется к периоду Большого террора.

Фактически именно декабрьские директивы Ежова дали старт массовой операции, специально обращённой против китайцев. Несколькими позже, с февраля 1938 г., китайская «линия» была введена в общие формальные рамки «национальных» операций или операций по «национальным контрреволюционным элементам»⁴. В этом качестве она уже продолжилась и по всей стране [7, с. 78–82].

К концу 1937 г. большинство китайцев в СССР проживали в Дальневосточном крае, в основном в Приморской области, в частности, в её административном центре — Владивостоке⁵. Неудивительно, что во время репрессий против китайской диаспоры генеральное консульство Китайской Республики в этом городе регулярно оказывалось в центре событий.

Даже сама подготовка дела о фантастической провокации не обошлась без привязки китайского консульского учреждения. В первом, кратком, сообщении, отправленном по прямому проводу из местного УНКВД в центр Ежову, про него ещё не говорилось. Но последующая телеграмма с подробностями начиналась с упоминания о нём. «В последнее время китайское консульство в крае ведёт активную антияпонскую работу среди китайского населения, — говорилось в ней. — В помещении консульства проводятся беседы о положении в Китае, сборы денежных пожертвований. Особенно активно действует китайское консульство во Владивостоке, где систематически на беседу собирается до 300 человек; организованно бойкотируют

⁴ «Национальные» операции были одной из основных составляющих «большого террора». В отличие от операции по «антисоветским элементам» дела по «национальным» операциям утверждались не тройками на местах по спущенным сверху «лимитами», а в центре двойкой по «альбомным» спискам, присылаемым из регионов (см. прим. 3).

⁵ Согласно переписи населения 1937 года, из 38 527 проживающих в СССР китайцев 24 589 приходилось на Дальневосточный край. См. [5, с. 87, 106].

японское консульство (водовозы отказались возить воду, стекольщики отказались работать, торговцы отказались продавать)» [3, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 200]. После этого приводились конкретные примеры оскорблений китайцами японцев и «разговоров о возможности нападения на японцев» [3, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 200].

В следующих сообщениях обвинения в адрес консульства приобрели более конкретные очертания. Одними из ключевых лиц «заговора» стали сотрудники консульства, некие *Туань-Цюань-Цзян*⁶ и *Цзюй-Цзя-Тин*. В сфабрикованном деле им отводилась роль организаторов и вдохновителей отдельных террористов и террористических групп [3, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 240]. Они подозревались в связях с тайными китайскими братствами, которые якобы находились под контролем японцев и на собраниях и в частных разговорах «прививали» китайцам антияпонские настроения [3, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 258]. Сообщалось, что в результате подобной «обработки» некоторые китайцы принимали решение напасть на граждан Японии или даже убить дипломатических работников этой страны.

Например, от официанта ресторана «Золотой рог» *Мао-Ю* были получены показания, что *Туань-Цюань-Цзян* и *Цзюй-Цзя-Тин* «разжигали в нём озлобление против японцев, в результате чего *Мао-Ю* решил убить японского консула» [3, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 259]. Некий же *Люй-Чжи-Кун*, задержанный в конце декабря 1937 г. как подозрительная личность, «признался», что хранил револьвер «с целью убийства японского консула, выжидая встречи с ним на улице» [3, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 258]. Это решение якобы «возникло у него в результате беседы в китконсульстве о войне» [3, ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 258].

В связи с этим руководитель Дальневосточного УНКВД Г.С. Люшков даже запросил у Ежова санкцию на арест *Туань-Цюань-Цзяна* и *Цзюй-Цзя-Тина*. Однако несмотря на поиски, информации о том, что оно было дано, нами найдено не было⁷.

Получив от центра распоряжение о начале широкомасштабной операции, дальневосточные чекисты немедленно приступили к её подготовке. По предварительным данным, во время операции по закрытию притонов только в Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске и Ворошилове (совр. Уссурийск) было арестовано 1600 человек [3,

⁶ В связи с тем, что в 30-х гг. XX века значительное количество китайских имён записывалось в русской транскрипции произвольно, все искажённые или неподтверждённые иероглификой написания выделены курсивом. Написание имён, иероглифы которых известны, не выделяются.

⁷ Архивно-следственных дел этих лиц нами найдено не было, также не найдено сообщений и иной информации об их аресте.

ф. 3, оп. 4, д. 861, л. 311]. Уточнённая через несколько дней информация уже свидетельствовала, что на первом этапе количество арестованных в крае составило более 2200 человек, из которых 1485 являлись подданными Китайской Республики⁸.

Важно учитывать, что несмотря на направленность операции, она вряд ли ограничилась только «преступным элементом»: содержателями и посетителями подпольных опиумокурилен, заведений с азартными играми и других значных мест. Это было связано и с тем, что малообеспеченные члены китайской общины зачастую были вынуждены скученно проживать в нелегальных ночлежках, находившихся по соседству или даже в одних помещениях с подобными притонами. Учитывая, что речь шла о сотнях и тысячах задержанных, органы НКВД, при поддержке милиции блокировавшие и к утру прочесавшие подобные места или даже кварталы [12, с. 259], фактически не имели возможности разбираться в степени подозрительности и виновности тех или иных лиц.

Массовые аресты посеяли среди китайского населения настоящую панику. Часть членов диаспоры, чтобы избежать возможного ареста, пыталась покинуть регион и перебраться в другие районы СССР. Одновременно китайские жители Владивостока стекались в консульство, требуя, чтобы оно приняло меры для их защиты. Будучи весьма ограниченным в выборе средств, китайский генеральный консул У Айчэнь пытался предпринять хоть какие-то действия. В первые дни после начала операции он несколько раз встречался с врио дипломатического агента НКВД во Владивостоке А.И. Карповым. У Айчэнь хотел выяснить причины арестов и добиться разрешения на встречу с представителями местной власти, председателями облисполкома и горсовета, чтобы прояснить ситуацию. Судя по всему, общение с дипломатическим агентом было очень напряжённым: через некоторое время консулу пришлось принести ему извинения за свою «горячность».

О происходящем в крае У Айчэнь докладывал в посольство и МИД своей страны, однако ситуация не менялась. Более того, аресты продолжались. После очередной их волны, пришедшейся на 22 февраля, паника среди китайцев достигла такого масштаба, что более тысячи человек решили укрыться на территории консульского представительства. При этом они заявили У Айчэню, что «не уйдут до тех пор, пока он не примет меры, гарантирующие их от арестов» [3, ф. 3,

⁸ Первая цифра не точна и дана приблизительно, так как по Хабаровской области указано только количество арестованных граждан Китая [3, ф. 3, оп. 5, д. 31, л. 325–326].

оп. 5, д. 39, л. 314]. В этих условиях У не мог отказать своим согражданам в убежище. Для их размещения на территории консульства были выделены все подсобные помещения, сотрудники обеспечивали укрывшихся китайцев питанием [3, ф. 3, оп. 5, д. 39, л. 314].

Ситуация выходила из-под контроля. С одной стороны, представитель НКВД во Владивостоке напоминал У Айчэню, что местные власти не понимают, на каком основании консул допустил подобное скопление граждан на территории представительства. Сотрудники центрального аппарата НКВД также обращались к китайскому посольству с требованием повлиять на то, чтобы китайцы покинули помещения консульства. С другой стороны, видя, что происходит в городе, У Айчэнь не мог и вряд ли хотел настаивать, чтобы граждане его страны, среди которых были женщины и дети, покинули дипломатическое представительство.

На время Дальневосточное УНКВД отложило проведение арестов: в связи со сложившейся ситуацией 3-й (контрразведывательный) отдел ГУГБ НКВД направил в край распоряжение приостановить операцию, пока скопление китайцев в консульстве не рассосётся [3, ф. 3, оп. 5, д. 47, л. 188].

Эта новость произвела хорошее впечатление на китайских дипломатов и несколько разрядила ситуацию в крае. Временный поверенный в делах Китая в СССР Юй Мин отмечал, что во Владивостоке и Хабаровске «наступило необычайное успокоение». Однако оно не было долгим. Распоряжение 3-го отдела ГУГБ носило временный характер, а время использовалось Дальневосточным УНКВД для «точного установления всех подлежащих изъятию». Как только накал спал и китайские граждане в основном покинули консульство, аресты немедленно продолжились.

Уже 28 марта операция во Владивостоке и по всей Приморской области возобновилась [3, ф. 3, оп. 5, д. 47, л. 188], массовые аресты продолжались до 30 марта. Всего же, по предварительным данным, к началу апреля в рамках операции было арестовано 10 282 китайца. В связи с таким большим количеством и тем, что операцию приходилось прерывать, руководство Дальневосточного УНКВД попросило продлить время следствия. Известные нам документы не дают информации, сколько китайцев было арестовано начиная с апреля, но стоит отметить, что приведённая выше цифра относительно близка той, которую Люшков называл после своего побега в Японию: он говорил о 11 тысяч арестованных в крае китайцев [13, с. 50]. Очевидно, стоит предположить, что после марта масштабных арестов китайцев в Дальневосточном крае уже не проводилось.

Поскольку дальневосточные чекисты с самого начала использовали китайское консульство во Владивостоке для конструирования дела о японской провокации, логичным продолжением этого подхода стали и другие обвинения в адрес консульства и лично консула. Кроме того, на отношении к У Айчэню отразились и противоречия между ним и дипломатическим агентом НКВД. В результате попытки консула разобраться в ситуации, помочь арестованным и остающимся на свободе китайцам интерпретировались как враждебные действия.

Так, например, комментируя появившуюся информацию о применявшихся к китайцам пыток, представители наркомата иностранных дел обвинили консула в том, что он либо пользовался ложной информацией, либо сам предоставляет посольству недостоверные сведения⁹. А то, что паникующие члены диаспоры укрывались от массовых арестов на территории генконсульства, Люшков в своих отчётах Ежову связал не с тем, что во время операции задерживали всех, без разбора, а с «организованной работой» занимающего «провокационную позицию» генконсула [3, ф. 3, оп. 5, д. 39, л. 314]. «Создавшееся положение, — сообщал руководитель управления НКВД, — возбуждает остальную часть китайцев, проживающих во Владивостоке, и создаёт настроение противодействия нашим мероприятиям» [3, ф. 3, оп. 5, д. 39, л. 314].

Не избежал У Айчэнь и прямых обвинений в работе на японцев. В том же докладе Люшкова говорилось, что «недавно получено анонимное сообщение, в котором указано, что он является японским агентом» [3, ф. 3, оп. 5, д. 39, л. 314].

Таким образом, активность китайского дипломата привела к тому, что его действия по защите китайских граждан были истолкованы как проявление недружеской, антисоветской позиции. При этом вопрос обоснованности причин, побуждающих У Айчэня пытаться энергично решать проблемы китайской диаспоры выносился за скобки. Обсуждать по существу вопрос индивидуальной вины во время массовых арестов сотрудники советских ведомств не могли. Им оста-

⁹ Нет нужды приводить ссылки на многочисленные свидетельства того, что во время массовых операций Большого террора следователи НКВД использовали самый разнообразный и изощрённый набор средств физического и психологического давления на арестованных. Тем не менее в контексте репрессий именно в отношении китайской диаспоры любопытно свидетельство арестованного начальника УНКВД Приморской области М.И. Диментмана, показавшего на следствии, что «массовый характер применения незаконных методов в аппарате... принял с начала китайской операции» (цит. по [6, с. 53]).

валось только укрываться за демагогическими рассуждениями о том, что в Советском Союзе невиновным ничего не угрожает.

Прямолинейность и упорство с которыми генконсул во Владивостоке ставил неудобные вопросы, предоставление помещений дипломатического учреждения боящимся арестов членам диаспоры, а также прямые обвинения в работе на японцев — всё это в совокупности привело к тому, что после соответствующих обвинений со стороны представителей НКВД, МИД Китайской Республики вынужден был отозвать У Айчэня. 15 июля 1938 г., когда основная масса арестов была завершена, а большая часть оставшихся на свободе в Дальневосточном крае китайцев и часть арестованных за незначительные преступления выселялись в провинцию Синьцзян, китайское посольство в Москве передало наркомату иностранных дел ноту, в которой сообщалось, что У Айчэнь возвращается на родину в распоряжение министерства иностранных дел [1, ф. 100, оп. 22, п. 63, д. 3].

Таким образом, несмотря на то, что во второй половине 1930-х гг. китайские консульства, в отличие от консульств большинства других стран, не были закрыты на территории СССР [4, с. 442], генконсульство во Владивостоке фактически не могло нормально функционировать. Оно оказалось в самом эпицентре проводимой органами НКВД «китайской» операции. Сотрудники консульства, включая самого генерального консула, были обвинены в работе на Японию, а любые попытки со стороны консульства помочь арестованным и ещё не арестованным членам китайской диаспоры и разобраться в причинах арестов рассматривались исключительно с точки зрения противодействия «мероприятиям» НКВД и объявлялись антисоветскими.

Литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации.
2. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Омской области.
3. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации.
4. *Белковец Л.П.* Россия на пути к дипломатическому и консульскому праву (1917–1938). Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2010.
5. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007.
6. *Дервянко А.П.* Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 30-е годы // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е годы. Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. Владивосток, 1997.

7. *Калкаев Е.Г.* К вопросу о начале «Китайской операции» НКВД (1937–1938 гг.) // Вопросы Истории. 2018. № 12. С. 66–87.
8. *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.
9. *Петров Н.В., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008.
10. *Потапова Н.А.* Антикитайская карательная акция НКВД СССР периода «Большого террора» в Дальневосточном крае: механизмы и масштабы репрессий // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 156–162.
11. Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005.
12. *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011.
13. *Люшков Г.С.* Сорэн сякаисюги хихан (Критикую советский социализм) // Гэжкан Россия (Ежемесячник Россия). 1939. № 5(47). Р. 31–62.

*E.G. Kalkaev**

**Consulate-General of the Republic of China in Vladivostok
During the period of “Chinese Operation” of NKVD (1937–1938)**

ABSTRACT: The article deals with the Consulate-General of the Republic of China in Vladivostok during the period of the Great Terror. In 1938, at the time of “Chinese operation” in the Russian Far East, the NKVD accused the staff of the Consulate-General of working for Japanese against the Soviet Union.

KEYWORDS: Great Terror, NKVD, “Chinese operation”, Chinese diaspora, Vladivostok, Consulate-General of the Republic of China, Wu Aichen.

* Kalkaev Evgeny Gennadyevich, Research Fellow of China Department of the IOS RAS, Moscow, Russia; E-mail: kalkaev@gmail.com